

СТАНОВЛЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УДМУРТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Процесс становления начального образования в России самым тесным образом был связан с деятельностью духовного ведомства. В дореформенной России преобладающим типом учебных заведений являлись сельские приходские училища. Большинство из них возникло в 30 – 40-х гг. XIX в. Это было связано с решением 1836 г., предоставлявшим православному духовенству право повсеместно заводить при храмах и обителях школы для обучения поселянских детей и реформами Киселева.

В этот период число церковных школ быстро росло, если в 1839 г. в России их было 2000, то в 1861 г. уже 18587³⁹⁷. В Удмуртии в середине XIX в. сельских приходских училищ было 34.

Помимо сельских приходских училищ в первой половине XIX в. открывались и городские приходские училища, позднее преобразованные в уездные. Так на территории Удмуртии были открыты приходские духовные училища: в 1819 г. в г. Сарапуле, в 1830 г. в Малмыже, 1843 г. в г. Глазове, в 1847 г. в г. Елабуге.

Реформы 60-х гг. XIX в. существенно повлияли на развитие духовного образования. Изданное 14 мая 1864 г. Положение о начальных народных училищах стимулировало открытие новых церковно-приходских школ. Согласно этому положению начальные училища открывались «для детей всех состояний и сословий, без различия вероисповедания и предназначались для утверждения в народе религиозных и нравственных понятий и распространения первоначальных полезных знаний»³⁹⁸.

Начиная с 60-х гг., быстро росло число церковно-приходских школ. Если в 1861 г. в целом по России было 18587 школ, то в 1865 г. – уже 21420. Однако позднее Д. А. Толстой, пользуясь совмещением постов министра и обер-прокурора, стал переводить церковно-приходские школы в подчинение Министерства народного просвещения и к 1879 г. число церковно-приходских школ сократилось до 4681³⁹⁹. Сокращение их числа было связано и с появлением и развитием земства, когда значительная часть церковно-приходских школ бы передана в ведение земства. Опасаясь, что произойдет отщеснение духовенства от процесса народного образования, руководство православной церкви стало активно отстаивать свои интересы в верхах.

Эта позиция духовенства получила мощную поддержку со стороны обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева. В своей записке на имя императора он писал: «церковно-приходские школы по самым условиям существующего в них обучения и надзора представляют собой гораздо более гарантий для правильного и благонадежного в церковном и народном духе образования, нежели другие виды народных школ и поэтому заслуживают особых со стороны правительства поддержки и поощрения»⁴⁰⁰. В результате этого в 1884 г. императором Александром III утверждаются «Правила о церковно-приходских школах», а при Синоде был открыт Училищный совет для управления школами духовного ведомства. В штаты многих церквей, специально для преподавания в школах, вводятся ставки дяконов. Эти меры не замедлили принести плоды. В этот период вновь начинается рост числа церковно-приходских школ. В 1889 г. их было около 40 тыс. почти с 1,5 млн. учеников, против 30 тыс. земских с более чем 2 млн. учеников⁴⁰¹. В октябре 1884 г. был учрежден Вятский губернский епархиальный училищный совет. Церковные школы и школы грамоты были изъяты из ведения училищных советов и

³⁹⁷ Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков. М., 2001. С. 318.

³⁹⁸ Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С. 451.

³⁹⁹ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь: испытания начала XX в.// ВИ. 1993. № 1. С.46.

⁴⁰⁰ Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С. 650.

⁴⁰¹ Там же С.43.

вместе со школами Вятского комитета православного миссионерского общества и противораскольническими школами братства Святителя и Чудотворца Николая были переданы в управление духовенству епархии.

Все духовные учебные заведения были подчинены Духовно-учебному комитету и Училищному совету Св. Синода. Этот комитет, состоявший из духовных и светских лиц, осуществлял контроль над всеми учебными заведениями духовного ведомства, занимался составлением программ и методик преподавания, учебников и руководств для духовно-учебных заведений. На местах делами духовных учебных заведений занимались: епархиальный училищный совет и уездные училищные советы.

В 1884 г. в ведении Вятского епархиального училищного совета состояло 90 церковно-приходских школ и 23 школы грамоты, в 1888 г. их количество увеличилось почти в полтора раза. Выросло и число учащихся, которых всего по епархии было – 9396 чел., в том числе удмуртов – 830 чел.

Финансировались школы духовного ведомства из разных источников. В процентном соотношении собственно деньги церкви составляли 24% от всей суммы для церковно-приходских школ и 20% для школ грамоты. Остальные средства поступали от населения – 40% и 61% соответственно и от земства – 31% и 18%. Основными статьями расходов были: зарплата учителей и их помощников – 55% средств, наем и содержание помещений – 28%, книги и учебные пособия – 9%. При этом необходимо учитывать, что 96% законоучителей и 29% учителей работали в церковно-приходских школах бесплатно⁴⁰².

В начале XX в. число начальных школ духовного ведомства еще более увеличивается и достигает 358. Тем не менее, динамика роста церковно-приходских школ в начале века по сравнению со школами других ведомств значительно снижается.

Финансировались церковно-приходские школы значительно хуже земских. Средняя стоимость содержания одной церковно-приходской школы составляла 146 руб. 56 коп., школы грамоты – 47 руб. 95 коп., земской – 658 руб. 74 коп., министерской – 1200 руб.⁴⁰³ Оплата учителей была в них была намного меньше, что обуславливало более низкий уровень преподавания. Так, например, благочинный 3 округа Сарапульского уезда после посещения в 1893 г. церковно-приходских школ, писал в своем рапорте следующее: «Читают псалтырь удовлетворительно, вероятно вследствие частого повторения сего, но чтение славянской печати по другим книгам значительно слабее»⁴⁰⁴. В отчете благочинного второго округа Малмыжского уезда за 1915 г. также отмечается, что церковно-приходские школы, по сравнению с земскими имеют более слабую материальную базу. В школах недостаточно учебников и письменных принадлежностей. Даже если средств на учебники достаточно, то духовенство не всегда может их приобрести. Отделение уездного книжного склада в д. Водзимоны закрыто. А уездный книжный склад, находящийся в г. Малмыже, практически не доступен, потому что из-за удаленности многих селений поездка туда обойдется в 15 – 20 руб. Кроме того, благочинный считает несправедливым то, что церкви, при которых находятся школы, несут дополнительные материальные расходы на их содержание в размере 100 и более руб. в год. Но высокое церковное начальство в лице обер-прокурора К. П. Победоносцева считало материальное обеспечение церковных школ вполне достаточным, так как более высокого уровня преподавания в них и не требовалось, ведь основной задачей церковно-приходской школы было дать крестьянским детям элементарные представления о церкви и обучать чтению назидательной литературы.

В соответствии с целями и задачами строилась и программа церковно-приходских школ. Основное количество часов в старшем и младшем отделении отводилось на изучение Закона Божьего, русского языка и церковного пения.

⁴⁰² ВЕВ. 1888. № 2. С. 64–66.

⁴⁰³ Ведомость о церковно-приходских школах и школах грамоты, находящихся в ведении Вятского епархиального училищного совета в 1891 / 92 уч. году. С. 11 – 22.

⁴⁰⁴ ЦГА УР, ф. 245, оп. 2, д. 512, л. 66.

По сравнению со школами других ведомств конфессиональный и национальный состав духовных учебных заведений был более разнообразным. Если в школах министерства народного просвещения русские и православные учащиеся составляли 100%, то в земских школах обучалось русских – 76%, удмуртов – 18%, марийцев – 2%, крещеных татар – 2%, при этом подавляющее большинство учащихся – 97% составляли православные, на долю раскольников и язычников приходилось по 1,5%. В церковно-приходских школах русские учащиеся также составляли большинство – 85%, удмурты – 11%, практически все учащиеся были православными – 98%. В миссионерских школах обучалось русских – 14%, удмуртов – 11%, марийцев – 24%, крещеных татар – 48%. Несмотря на то, что православные учащиеся также составляли большинство – 56%, количество учеников других конфессий было значительным: раскольники – 22%, язычники – 19%⁴⁰⁵.

Помимо церковно-приходских школ существовали и так называемые школы грамоты. Эти школы ничем не регламентировались, не имели единой программы, учителями в них чаще всего были просто грамотные крестьяне. Все изменилось с 1891 г., когда были утверждены «Правила о школах грамоты». Они подлежали ведению исключительно духовенства, непосредственное попечение о них возлагалось на приходских священников. Учебные программы были приравнены к программам трехлетних церковноприходских школ, а удмуртские и марийские школы с той же программой имели четырехлетний курс. Большая часть школ грамоты содержалась на деньги крестьян и субсидии земства. Наивысшего подъема в своем развитии школы грамоты достигли к 1901 г., когда в 155 школах края обучалось 4519 учеников. В последующие годы их количество постоянно уменьшалось и к 1911 г. сократилось до 20 с количеством учащихся 537 чел. Большая часть школ грамоты была преобразована в земские или церковноприходские школы⁴⁰⁶.

В конце XIX в. епархиальные училищные советы стали открывать второклассные церковные учительские школы преимущественно с трехгодичным курсом обучения. Основной целью этих учебных заведений являлась подготовка учителей для школ грамоты и одноклассных церковно-приходских школ. На территории Удмуртии в начале XX в. действовало 5 таких школ, по две в Глазовском и Сарапульском уезде и одна в Елабужском уезде. В 1903 г. в них обучалось 433 учащихся, в том числе 264 русских, 160 удмуртов, 3 бесермянина, 5 мари и 1 татарин⁴⁰⁷. По данным епархиальных наблюдателей в начале XX в. 65% выпускников второклассных учительских школ состояли на учительской службе в системе начальных учебных заведений духовного и светского ведомств⁴⁰⁸.

Помимо обычных церковно-приходских школ и школ грамоты, предназначенные для русского населения, в ведении духовенства находились и национальные школы. Национальные миссионерские школы начинают открываться только с 1870 г. Это связано с утверждением «Главных начал, на которых должна быть устроена на будущее время система образования инородцев» Н. И. Ильминского и открытием Вятского комитета православного миссионерского общества. В первый год своей работы им было открыто 9 школ. В 1875 г. открывается первое удмуртское училище в д. Кузубаево.

Основной причиной, сдерживающей открытие новых миссионерских школ, являлось отсутствие финансирования. Средств в размере от 100 до 200 руб., ежегодно выделяемых на одну школу Вятским комитетом православного миссионерского общества, было явно

⁴⁰⁵ ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 5693 л.14-15.

⁴⁰⁶ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 год. Вятка, 1902. С. 238; Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. VI. Ч. 2. Казанский учебный округ. СПб., 1913. Табл. 1.

⁴⁰⁷ ВЕВ. 1903. № 6. С.216 – 217.

⁴⁰⁸ Кутявин А. Н. Педагогическое образование в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX веков //Из истории развития народного хозяйства и культуры Удмуртии в XIX – XX веках. Ижевск, 1990. С. 145.

недостаточно. Остальные средства поступали от местного духовенства и частных благотворителей. Так, на содержание одной миссионерской школы в Елабужском уезде тратилось 2305 руб., в Малмыжском – 880 руб. и в Глазовском – 415 руб.⁴⁰⁹

Такая большая разница в израсходованных средствах объяснялась тем, что в Елабужском уезде значительную финансовую помощь школам оказывали попечители. Так, например, только на содержание Ильинетской школы ее попечитель елабужский купец И. Е. Ушков выделял до 500 руб. ежегодно⁴¹⁰. На средства управляющего Кокшанского химического завода И. В. Дьяконова было выстроено здание для Старогришшинской миссионерской школы на общую сумму 800 руб. Попечительница этой школы дочь П. К. Ушкова А. П. Кузнецова на свои средства закупила мебель и учебные пособия, увеличила жалование учителям и сделала всем ученикам подарки на Рождество – рубашки⁴¹¹.

Еще одной причиной недостаточного развития миссионерских школ являлось отсутствие квалифицированных учителей, знающих языки местного населения. Для решения этой проблемы Вятский комитет миссионерского общества ежегодно выделял средства на содержание двух-трех стипендиатов в Казанской крещено-татарской школе и Казанской учительской семинарии. После окончания курса обучения эти стипендиаты работали учителями миссионерских школ.

К началу XX в. количество школ миссионерского общества значительно возросло. В 1902 г. на содержании миссионерского общества находилось 37 школ, в которых обучалось 1381 чел., в т. ч. 1110 мальчиков и 271 девочка. При этом татары составляли 38% от общего числа учащихся, удмурты – 32%, русские – 15%, марийцы – 10% и бесермяне – 6%.

Учителями в миссионерских школах работали преимущественно мужчины – 32 чел., из них один священник. Подавляющее большинство учителей имело свидетельство на право преподавания – 24 чел. Среди учебных заведений, которые окончили учителя миссионерских школ, преобладала Казанская крещено-татарская школа – 18 чел., 7 чел. окончили Карлыганскую центральную школу, 5 чел. окончили земское училище, 2 чел. второклассную церковно-приходскую школу, 1 учительскую семинарию, 1 епархиальное женское училище и 3 имели незаконченное образование.

Несмотря на определенные успехи в деятельности миссионерских школ, в начале XX в. правительство приступило к сокращению преподавания на родном языке учащихся. В 1911 г. Совещание о школах в районах с инородческим и иноверческим населением выразило озабоченность тем, что в деле обучения на родном языке пришлось пойти на слишком значительные уступки. И в 1914 г. преподавание в школах на родном языке было запрещено.

Помимо официальных церковно-приходских школ и школ грамоты действовали и так называемые частные школы. Они обычно открывались членами местного причта в своих домах и на личные средства. После того, как в 1861 г. Александр II запросил ежемесячные сведения о школах, открываемых духовенством, по всей России стали открываться такие школы. К концу 1862 г. в Вятской епархии было 608 училищ при церквях, в том числе в Глазовском уезде – 103, в Сарапульском уезде – 89, в Елабужском уезде – 56 и в Малмыжском – 47⁴¹². Но после 1864 г. большая часть этих училищ либо закрывалась, либо приобрела официальный статус. Тем не менее, епархиальное начальство продолжало указывать духовенству на необходимость домашнего обучения детей.

В указе Вятской духовной консистории № 9281 от 6 ноября 1864 г. прямо предписывалось «священнослужителям, особенно инородческих и раскольничьих приходов, или где нет близко сельских училищ, обучать домашним образом поселянских

⁴⁰⁹ ВЕВ. 1903. № 6. С.32-31.

⁴¹⁰ Там же. С.10.

⁴¹¹ ГАКО, ф. 811, оп.1, д. 734, л.4.

⁴¹² ВЕВ. 1965. № 21. С. 635-637.

детей»⁴¹³. Однако, еще до издания этого указа некоторые представители духовенства открывали домашние школы. Так, например, дьякон Зуриной церкви П. Сергеев обучал на дому удмуртских детей. Обучение в этой школе проходило так: вначале библиейский текст читался на церковно-славянском языке, а затем дьякон объяснял его на удмуртском. Для того, чтобы дети лучше знали русский язык, П. Сергеев требовал от них разговаривать в школе только на русском и, по возможности, упражняться и дома. За время своей работы П. Сергеев обучал около 160 детей. В 1866 г. за свою деятельность он был удостоен положительного отзыва директора Вятской губернской гимназии и награды в 50 руб. Эти деньги дьякон раздал своим лучшим ученикам⁴¹⁴.

В 1872 г. в Малмыжском уезде существовало четыре домашних школы. В с. Цыпля в доме дьяка Устюгова обучались удмурты, русские и крещеные татары, в с. Мамсинери в доме дьяка Сатрапинского учились марийцы и в деревнях Бекмешево и Старая Цыпля учились крещеные татары. Всего в этих школах училось около 50 чел.⁴¹⁵ Эти школы получали ежегодное пособие от Вятского комитета миссионерского общества в размере 25 руб. и в 1871 г. единовременное пособие от Министерства народного просвещения в размере 175 руб.

Конечно, подобное явление не было повсеместным. Однако такая просветительская деятельность духовенства приносила, особенно в удмуртских приходах, большую пользу, чем ведомственные образовательные учреждения. Кроме того, на базе таких домашних школ впоследствии нередко возникали официальные училища.

Таким образом, школы духовного ведомства сыграли значительную роль в распространении начального образования на территории Удмуртии.

Ф.В. Бондаренко
Екатеринбург

УЧАСТНИКИ ДЕКАБРИСТСКОГО ВОССТАНИЯ 1825 ГОДА НА УРАЛЕ

В отечественной истории многие установки длительное время считались незыблемыми. К таковым можно отнести и декабрьское восстание 1825 г., один из самых мифологизированных сюжетов советского исторического и общественного сознания.

В советской историографии была выстроена традиционная система отношений между различными группами высшего правящего класса России. Одни – либералы, которые пытались повернуть Отечество на светлую дорогу, обустроенную по западным образцам, другие – консерваторы, которые пытались сохранить костную, ретроградную систему крепостного права. При всей сложности рассматриваемой проблемы история советского периода считала основной заслугой этого движения то, что оно всколыхнуло массы спящей России и дало толчок либеральным течениям, одно из которых возглавил А.И. Герцен.

По выражению классика русского марксизма В.И. Ленина, можно так обозначить эту установку: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»⁴¹⁶.

К работам отечественных классиков Нечкиной М.В. и Эдельмана И.Я. по данной теме выстроенных в русле существовавшего классового подхода к истории, казалось бы добавить уже нечего. Но в последнюю четверть XX в., после долгих лет затишья тема эта

⁴¹³ ЦГА УР, ф.134, оп.1, л.276, л.227.

⁴¹⁴ ВЕВ. 1869. № 10. С.220.

⁴¹⁵ ВЕВ. 1872. № 4. С.95.

⁴¹⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.21. М., 1961. С. 261.